

Нормативная общность – это социальное образование, для которого характерно наличие определенной системы норм, правил поведения, регулирующих отношения между индивидами и группами.

Нормативно-целевые общности соединяют в себе признаки как целевых, так и нормативных общностей. Это такие социальные образования, в которых отношения и деятельность индивидов регулируются с помощью определенной системы норм, направленной на реализацию поставленной цели.

Доктринально-целевые общности характеризуются тем, что взаимосвязь индивидов, включение их в общность базируются на приобщении их к единой доктрине, убежденности в ее истинности и наличии у индивидов определенных целей, на достижение которых направлена их совместная деятельность. Доктрина в данном случае составляет своеобразное ядро такой общности, ее понимание открывает путь к объяснению других ее составляющих. Именно такими и являются религиозные общности.

Религиозная общность, таким образом, это взаимосвязь индивидов, осуществляющих на основе единой доктрины совместную религиозную деятельность, направленную на достижение конкретных целей (прежде всего – бессмертия) в специфических институциональных и организационных формах. Религиозные общности могут быть как реальными, так и номинальными. Среди последних можно назвать, например, христиан, мусульман, иудеев, и т.п., то есть представителей любой религиозной конфессии, выделив их по признаку единого вероисповедания, а также монашество, священнослужителей. Основаниями выделения таких общностей будут либо доктрины, либо доктрины и образ жизни, либо доктрины и статус в церковной иерархии. Реальные религиозные общности отличаются совместной деятельностью индивидов на основе единого вероисповедания, к ним относятся религиозные объединения - от прихода до церкви, сектантские объединения, монастыри, ордена, религиозные учебные заведения, экуменические организации.

А.С. Ваторопин

ПОСТМОДЕРНИЗМ И ДЗЕН – БУДДИЗМ

Исследователи постмодернизма на Западе и в России отмечают его связь с восточными учениями и мировосприятием. При этом они не только ссылаются на интерес к Востоку таких классиков постмодернизма, как Фуко, Деррида, Кристева, но и проводят параллели между постмодернистскими и восточными религиозно-философскими воззрениями (см., например, работы И.П.Ильина, С.Корнева и др.).

Особое внимание уделяется сравнительному анализу постмодернизма и дзен-буддизма. Это связано с тем, что, во-первых, и тот, и другой

иррациональны по своему характеру, во-вторых, используют аналогичный (по крайней мере, на первый взгляд) понятийный аппарат, в-третьих, применяют похожие методы разрушения повседневной реальности (в сознании), в-четвертых, фактически отрицают действительное существование самой этой реальности.

Постмодернисты отвергают западную рациональность, сомневаются в достоверности научного познания, рассматривают мир (и общество) как хаос, лишенный причинно-следственных связей и ценностных ориентаций, децентрированный, фрагментарный и лишенный смысла. Они считают, что постигать такой мир можно только через интуитивное «поэтическое мышление». В свою очередь, для буддистов этот мир – место страдания, от которого необходимо освободиться, но сделать это при помощи разума, рационального мышления невозможно. Освобождение может дать только иррациональное познание Высшей Реальности: через медитацию, коаны (пути внезапного просветления) и т.п.

Что касается понятийного аппарата, то здесь следует отметить, что в качестве центрального понятия и постмодернизма, и дзен-буддизма выступает понятие «пустота». Кроме того, можно найти общее в постмодернистском понятии «симулакр» (подобие, видимость) и буддийской «майе» (иллюзии). И подобных аналогий достаточно много.

Также очевидна параллель между основным постмодернистским методом разрушения целостного восприятия мира и социума, в качестве которого выступают ирония и смех, и одним из видов дзен-буддийского коана, тоже выражающегося смехом.

Наконец, уже упомянутые «симулакр» и «майя» по определению означают отказ от признания реальности этого мира.

Однако, несмотря на подобное сходство, нельзя отождествлять постмодернизм и дзен-буддизм, - в чем мы совершенно согласны с такими исследователями, как С.Корнев, Е.Ним и др. Действительно, имеются существенные различия между ними. Так, дзен-буддисты никогда не отрицали смысл «этого» мира и общества, не говоря уже о Высшей Реальности – нирване. Далее, в отличие от постмодернистов они не отвергают этические ценности, более того, нравственное поведение — это одна из ступеней т.н. «восьмеричного пути» к нирване. Принципиальным является и различие в понимании сущности «пустоты» в постмодернизме и дзен-буддизме: в первом варианте «пустота» – это то, что остается от «деконструированного» мира, и за ней ничего не стоит; во втором – «пустота» тождественна Высшей Реальности, Богу. И еще одно существенное отличие связано с тем, что постмодернизм не признает религий, а дзен-буддизм сам является религией.

Итак, постмодернизм и дзен-буддизм имеют как сходства, так и различия, причем последние, на наш взгляд, более существенны по своему значению, чем первые. В связи с этим, как нам кажется, неправомерна по-

пытка С.Корнева свести постмодернизм и дзен воедино. Он в работе «Трансгрессивная революция», достаточно четко показав различия между «западным постмодернизмом» и дзен-буддизмом, попытался обозначить дзен как «восточный постмодернизм». По нашему мнению, это понятие не несет никакой эвристической нагрузки и, более того, неверно по сути, т.к. предполагает существование некоего «восточного модернизма», о котором ничего неизвестно.

Вероятно, более интересной была бы другая параллель между этими направлениями. Речь идет о том, что постмодернизм в западной культуре и обществе в целом выполняет примерно ту же функцию, что и дзен-буддизм в сознании отдельного восточного человека. Как известно, дзен тем или иным путем призван прервать поток логического, рационального сознания, благодаря чему человек получает доступ к божественной «пустоте» – нирване. Постмодернизм, деконструируя западную рациональность, разрушая западное мировоззрение и социальность, также, возможно, очищает путь для новых идей, концепций, нового мировосприятия, которые полностью преобразуют и западное общество, и индивидуума в нем. В этом случае не исключено, что восточные религии, в том числе и дзен-буддизм, придут на смену постмодернизму, будут служить основой нового западного мировоззрения.

А. А. Айвазян

«ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ» В РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ ПОДХОД

Категорию «гражданственность» можно определить как «перспективу» (идеал) «государства», «общества», «человека», определяемую имманентным состоянием последних в политическом времени и пространстве. При этом антитезой гражданственности можно считать традиционность, архаичность («догражданственность»), а также идеоцентричность, теоцентричность («негражданственность») трех основных элементов политической системы («государства», «общества», «человека»). Тем самым развитие (теоретическое и эмпирическое) рациональности Запада можно представить в виде трех парадигм «гражданственности», последовательно трансформирующихся из «должного» в «сущее», из перспективы в ретроспективу.

Обосновывая тезис о том, что Россия – самобытное, но общецивилизационно-западное политическое пространство, рассмотрим сходства и различия теоретических моделей «гражданственности» (конструирующихся в определенные парадигмы) у западных и, собственно, российских политических мыслителей.